

Ефим ГАММЕР

Второй такой надписи нет на Рейхстаге

1.

— На чемоданах сидите? В путь-дорогу собрались? Поздно! — резко сказал Колченогий и тут же с какой-то странной иронией, передразнивая стихотворение Маяковского, добавил:

— Знаем мы эти еврейские штучки — разные Америки закрывать и открывать, вещицы собирать и за ворота утекать.

Колченогий — в шляпе и потрепанной кацавейке — ковылял по комнате. Его ошупывающий взгляд рыскал среди разбросанных повсюду вещей. По рябому лицу плыло самодовольство.

Володя никогда ранее не предполагал, что человек бывает настолько противен.

Колченогий поселился в их доме незадолго до начала войны. Толком о нем жильцы ничего не знали. Устроился он кладовщиком на завод "Красный химик". И жил себе, хмырь хмырем, считаясь мужиком замкнутым, нелюдимым.

Однако сразу же после того как немцы заняли Славянск и вывесили свои писули о регистрации евреев, он стал каждого подозревать в принадлежности к вражескому племени, а некоторым — востроносимым — мальчишкам приказывал скидывать штанишки, чтобы, как он говорил, "выявить их иудин корень перед лицом народа". Инвалид, позабыв о былой замкнутости, нахваливал гитлеровцев, изображал из себя представителя власти, страдал всевозможными карами за непослушание. Вскоре пронесся слух, что он завел конторскую книгу, куда заносил фамилии и адреса проживающих в заводском квартале евреев, коммунистов, комсомольцев, орденосцев и всякого рода активистов. Хозяином вваливался он в чужие квартиры, требовал каких-то сведений, хитро выведывал, чьи родственники служат в Красной Армии, а значит, сражаются против фашистов.

— Доигрались! — гудел Колченогий, шагая по комнате. — Кончилися ваши игры в белые и красные. Всё! Basta! Новый порядок!

Володя следил за своей матерью: сорвется или нет?

Мальчик не подозревал, что маму волнует сейчас другое: удалось ли ее друзьям из сформированного перед самой оккупацией партизанского отряда незамеченными уйти из города. Вместе с ними она уничтожила заводское оборудование, а потом... Потом, спутав ее намерения, заболел Толик, младший из детишек, и пришлось задержаться, на свое несчастье, дома.

— Ну что, Мария, будем молиться на помин души? Крест на себя наложить или в синагогу пойдем? — донимал Колченогий маму.

А она... она, словно утвердась в принятом решении, властно оттолкнула инвалида в сторону и подошла к Володе:

— Забирай Толика и давай на улицу. Я скоро приду.

Володя надулся. Он был готов ко всему, но не к этому. "Уходить из своего дома! Бежать? Бежать в присутствии предателя? Гнать его надо! Гнать!" Но он промолчал, тяжело поднялся с кровати и, ссутулясь, двинулся во вторую комнату, к братишке.

...Когда он спускался по лестнице, сверху донесся неузнаваемо изменившийся — плаксивый — голос, скорее — голосок, паскудно доносителя.

— Что вы делаете? — визжал и всхлипывал голос. — Не надо! Не надо! Пощадите!

И вдруг кульпялка застучала в немыслимо стремительном ритме. Хлопнула дверь — мимо него пронесся Колченогий.

Только тут Володя осознал, почему был выдворен из квартиры. Он вспомнил, как мама, размяв все необходимые вещи в чемодане, переложила из ненужной больше кобуры наган — настоящий наган! это он видел собственными глазами! — в боковой карман пиджачного костюма.

2.

"Мама! Почему ты не пристрелила его? Почему не убила этого гада? — горестно вышлепывали покосившиеся мальчишеские губы. — Мама-мамочка! Почему?"

Володя положил лицо на ладони и прислонился разгоряченным лбом, залитым кровоподтеком, к прохладному стеклу окна. Он не видел, как ветер гоняет по мостовой жухлые

листья, как почерневшие клены подрагивают ветвями, как мимо деревьев идут патрульные — в касках, серых мундирах, с автоматами на груди.

Несколько дней после прихода Колченого Володя провел не с мамой. Он жил, скрываясь от дворовых пацанов, у знакомых. Мама сняла на отшибе маленькую квартирку и поселилась вместе с двухлетним Толиком. Володя редко бывал у нее в затерянном на окраине домике-особнячке. Но на всякий случай, по секрету от всех, взял на себя охрану, как ему мнилось, явочной маминой квартирны. Он оборудовал наблюдательный пункт напротив — на чердаке покинутого дома с заколоченными ставнями. Обзор был очень удобный: четко прослеживалась улица, хорошо просматривались подходы к расположенному поблизости особнячку. Порой, когда отодвигались оконные занавески, была различима комната матери: железная кровать, в центре — стол с двумя стульями, в углу — сундук. Однажды под вечер Володе довелось быть свидетелем появления в особнячке незнакомого бородастого мужчины, по всей видимости, партизана. Он долго не задерживался. Переговорив о чем-то, забрал револьвер и ушел. А потом в полумгле послышались выстрелы, и на следующий день пошли толки-перетолки, что кто-то стрелял в бургомистра: две пули в живот — и смотал удочки.

Толки-перетолки, а налаженная было Володей жизнь внезапно изменилась.

В полдень из своего наблюдательного пункта он приметил шагающих к особнячку немцев. Среди группы солдат в черных мундирах без труда различил Колченого. Он ковылял впереди остальных, указывая дорогу.

— Сюда, герр штурмфюрер. Сюда. Здесь она захавалась.

Володя напряг слух, подобрался, будто изговорясь к прыжку.

— Не извольте беспокоиться, герр штурмфюрер, — донеслось снова. — Не уйдет. Куда ей уходить? Дитяте на руках малолетнее.

Володя метнулся по лестнице на улицу. Туда — к ней, к маме, не ведающей о близкой беде. Но он не успел опередить гестаповцев. У порога особнячка его цепко схватили за шиворот.

— Куда, малец? — засипел инвалид. — Сиди здесь и не рыпайся! Не то живо шкуру спущу!

Володя вцепился зубами в запястье Колченого. Тот перекосялся в лице, рванул на себя прокусанную до кости руку и наотмашь ударил мальчишку. Падая, Володя ощутил, как шершавые камни мостовой наждаком сдирают кожу со лба.

— Зих ист не киндер, — говорил в свое оправдание инвалид офицеру в черном мундире. — Зих ист, дери его черт, швайне киндер.

Володина мать, увидев из окна эту сцену, схватила в охапку младшенького и бросилась с ним наверх — к соседке.

— Толика! Толика! Возьмите... приютите... Толика! — взмолилась она.

Оставив плачущего ребенка на попечение соседки, она спустилась и была сразу же арестована и отправлена в городскую тюрьму.

...На рассвете по Славянску прокатилось гудом немыслимым: за городской чертой, у бывшей линии обороны немцы произвели первые массовые расстрелы. Расстреливали евреев, цыган, врагов режима.

Так Володя Тарновский стал сиротой. Отца он лишился еще раньше. Отчим находился на фронте, но вестей от него никаких не было.

3.

Дни накатились трудные, горевые. Земля поседела до времени, выпал первый снег.

Володя пристроил Толика у дальних родственников отчима, а сам перебрался к его сестре Феодосии Павловне. Порознь легче прокормиться. Хотя... хотя лишние рты всем в тягость. И это чувствовалось, ох, как чувствовалось у тетки: пусть вроде бы и племянник, но не братов сынок — чужая кровинушка.

В несладком житье-бытье миновал год. На деревенку начали наплывать с востока прокопченные порохом тучи. Но часы слагались в сутки, сутки — в недели. Обстановка оставалась неясной. Немцы не покидали деревню. Наоборот, маршевыми ротами прибывали в нее, чтобы после короткой передышки снова двинуться дальше, туда, откуда доносились глухие разрывы, где "боги войны" накачивали свою мускулатуру.

Горек был для Володи сиротский хлеб. Он помогал, чем мог, Феодосии Павловне, приглядывая за детишками, ходил по воду, колол дрова. Однако деревенская бабка — вечно недовольная — попрекала мальчонку каждым куском, то и дело поминала его настоящего отца с упором на отчество, будто от него, уже умершего, веяло какой-то опасностью для ее семьи и для него самого, Володи.

Однажды он выведал от обменивающихся скудные пожитки на продукты горожан, что в деревне Шандрыголова, где проживали кумовья отчима и тетки, есть возможность "фартово отовариться".

Володя отпросился у Феодосии Павловны "на каникулы" и с повидавшей виды котомкой, набитой рубашонками городского шитья, кусками "ходового" мыла и поваренной соли, отправился в дальний путь.

Дорога, забитая моторизованными колоннами, предательски вывела к постам левой жандармерии. Но щуплый, синий от холода пацаненок мало у кого вызывал подозрения.

Володя мечтал перебраться через линию фронта, и обязательно с полезными сведениями. Он подсчитывал в уме проходящие мимо бронетранспортеры и грузовики с прицепленными пушками, запоминал, где проводились какие-то земляные работы, строились укрепленные пункты, подступал с расспросами к местным жителям. Но много ли выведаешь у ребятишек или запуганных старух? Только себе навредишь. Так и случилось. Дважды его задерживали за излишнее любопытство местные полицаи: один раз — у моста, второй — у огороженной строительной площадки. И дважды ему удавалось сбежать от них. Не иначе как удача сопутствовала ему. Она шла следом за ним, а навстречу из задымленного далека двигались отступающие немецкие части.

В Шандрыголову Володя добрался одновременно с советскими войсками, правда, вышли они на околицу с разных сторон: он — с запада, они — с востока.

4.

В деревне Володя застрял. Назад — не могли, там бои. А пристроиться у кумовей Феодосии Павловны не удалось: своих не кормленных ртов у них с избытком. Что же делать? Он отправился по подсказке теткинских кумовей к председателю сельсовета, "усатому Магарычу". Тот тоже не счел нужным приютить ребенка, но пообещал ему найти выход. И действительно нашел его.

"Выход" предстал перед Володей в облике капитана Захарова, заместителя командира дивизиона артиллерийского полка. Он был осведомлен от председателя сельсовета обо всех мытарствах Володи: о сиротстве, о гибели в расстрельном рву его матери — и понимал, какую жажду мести испытывает этот мальчишка, повидавший на своем недолгом веку больше горя, чем иной долгожитель. Знал капитан Захаров и о сметливости Володи. После изучения сведений, доставленных разведчиком поневоле, офицер понял, что этот мальчонка наделен особой солдатской наблюдательностью. Некоторые из его разведанных оказались весьма ценными, и артиллеристы примерялись к квадратам, куда собирались нанести упреждающий удар.

— Служить хочешь? — спросил капитан Захаров, окинув взглядом отошального пацаненка в труще и ватнике.

— А как же! — не задумываясь, ответил он.

— В разведчики пойдешь?

— А возьмете?

— Сколько лет?

— Полных или неполных? — опять вопросом на вопрос ответил Володя.

— Разумеется, полных. Хватит хитрить. Тут тебе не немцы, — в глазах капитана затаились веселые искорки.

— Тринадцать, — помямившись, добавил себе год Володя.

— Врешь?

— Нет, — мотнул головой мальчик.

— А если по-другому: на сколько солгал?

— Не лгал я, дяденька! Честное слово, не лгал!

— Во-первых, отныне не дяденька, а товарищ капитан, — поправил офицер. — Во-вторых... Во-вторых, солгал. Год небось приплюсовал. А?

— Так точно! — отчеканил Володя, пытаясь как-то улучшить представление о себе у это-

го смуглолицего командира, от которого зависело решение его судьбы.

— А в-третьих... для тебя, так сказать, для личного обращения... я не обязательно капитан. Со мной можно и без уставных требований, — продолжал офицер. — Если тебе проще, называй меня по-домашнему — Борис Давидович.

— Нет, мне не проще. Я могу по-военному.

— Эх ты, вояка! — офицер дружески улыбнулся и, взяв Володю за плечи, посуровел:

— Мы еще за твою маму им отомстим! А сейчас запоминай: завтра в шесть ноль-ноль быть у сельсовета. Отбудешь вместе со мной к месту дислокации нашей воинской части.

— Разрешите быть свободным?

— Свободен!

Не чуя ног, Володя выскочил на улицу. В ушах звенели строгие армейские слова: "Шесть ноль-ноль... Место дислокации..."

Назавтра он был у сельсовета в пять утра.

5.

Володя разглядывал свою воинскую книжку. Он не мог вволю наглядеться на каждую каллиграфически выведенную полковым писарем букровку. А букочки слагались в необыкновенно притягательные слова: "разведчик-красноармеец Владимир Владимирович Тарновский".

Солдатская жизнь складывалась успешно. Володя был зачислен в первый дивизион 370-го артиллерийского полка. Поначалу — на несколько смущающую его должность ординарца. К капитану Захарову, опекающему его, как родной отец. Но вскоре помог случай...

...Поднятый по тревоге дивизион выдвинулся на танкоопасный участок, чтобы закрыть брешь, образованную на стыке дивизий. Во время марша на позиции несколько грузовиков со снарядами и автоцистерны с топливом, замыкающие транспортную колонну, отстали и затерялись в мглистых сумерках.

Создалось тревожное положение. Без достаточного боезапаса нечего было и думать о сопротивлении врагу, а бой, судя по всему, предстоял жаркий.

По озабоченному лицу капитана Захарова Володя понимал, что стряслось настоящее ЧП. Борис Давидович собирался на поиски пропавших машин. Но когда уже слили весь оставшийся бензин в бак его грузовика, выделенного для броски в ночь, выяснилось самое неприятное: никто из водителей не помнит обратной дороги.

— Как же так? — недоумевал капитан Захаров, обращаясь к шоферу. — Что же это вы, сержант, вслепую крутили баранку?

— А что я? Я ничего! — оправдывался шофер. — Я шел впритирку за ведущим. Куда он, туда я. С него весь спрос.

Но и водитель ведущего "Студебеккера" не помнил дороги: слишком много пришлось плутать по степи.

И тогда Володя, по пятам следующий за заместителем командира дивизиона, вызвался повести поисковую группу.

— А справишься? — спросил капитан Захаров.

— Справлюсь! Места знакомые. Да и не кемарил я, как некоторые...

Дело было, конечно, не в "знакомых местах". Просто Володя, сидя в кабине, рядом с шофером, предпочитал по свойственной мальчишкам привычке "вертеть головой", глазеть по сторонам, примечать все интересное, да к тому же он впервые направлялся на передовую, в бой: не уснешь и при всем старании!

— Садись в кабину, — разрешил капитан Захаров.

Грузовик тронулся в густую украинскую ночь. Было темно, но Володя, словно обладая каким-то кошачьим зрением, выбирал верный путь. Вот разрушенный ветряк. Вот одинокое дерево с посеченной осколками кроной.

— Можно прибавить хода, — небрежно бросил Володя, зная, что вскоре появится разбомбленная хата.

Водитель выжидающе посмотрел на капитана Захарова.

— Прибавь газу, сержант, публика просит, — замкомдив подтвердил распоряжение мальчишки.

Скорость возросла. Но разбомбленная хата куда-то запропастилась.

Володя старался не показывать виду, что попал впросак. Прошла минута, другая. "Студебеккер" мчался неизвестно куда. К черту на рога. Еще несколько минут, и глядишь — выскочит к немцам. Впрочем... впрочем...

Капитан Захаров заметил, что "проводник" нервно покусывает губы.

— Заблудился?

— Кто? Я? — горячо воскликнул мальчик и тихо добавил:

— Кажись, дал маху. Надо бы свернуть, а я по прямой. Думал скоротить путь чуток...

— В нашем деле, в военном деле... "чуток" не бывает, — капитан Захаров тяжело задумал папирасой. — "Чуток" недолет, "чуток" перелет, и бац — "смертью храбрых"...

Володя доверительно обратился к командиру.

— Борис Давидович, проскочим! Я не ошибся — зуб на отруб! — я просто маленько спрямить дорогу хотел...

— Ну спрямляй, спрямляй...

Капитан Захаров вынул на всякий случай пистолет из кобуры, положил его на колено.

Еще четверть часа машина продвигалась очень медленно, словно на ощупь. Внезапно огненные лезвия фар, упрятанные под козырьком, вырвали из темноты "исчезнувшую" хату. И в этот миг Володя понял, что такое истинное счастье.

Дальше шли, как по накатанному. И у цели оказались в самый подходящий момент, когда первые зарницы высветили небо.

— Стой! Чьи будете? — окликнули прибывших. — Свои?

— Свои! — поспешно отозвался сержант-водитель.

Слова эти обрадовали Володю, как некогда гол, забитый "в девятку".

— Ну, сынку!.. — расчувствовался и капитан Захаров. — Ты и не представляешь, какое благо дело на твоём счету. — Офицер полуобнял сидящего рядом, у окна, мальчишку. — Помни мое слово, к медали представлю. А пока... пока дарю тебе, — Борис Давидович протянул Володе миниатюрный никелированный "вальтер".

Не ведал капитан Захаров, не любящий попусту разбрасываться обещаниями, что замполит командира полка "завернет" представление о награде и скажет:

— Несерьезно это, Борис Давидович! На родственные отношения смахивает. Как на вас посмотрят в дивизию, если вы начнете своим ординарцам медали раздавать? Предлагаю: лучше переведите пацанка вашего из ординарцев в разведчики. Эта награда для мальчишки в самый раз. А о большем еще рановато думать. Пусть еще повоеет, проявит себя.

6.

Когда наблюдательный пункт был полностью оборудован, наступил вечер. Резко похолодало, осенний ветер рвал полы шинели. Командир дивизиона капитан Шабалов вызвал бойца Тарновского.

— Переправься, парень, в тыл, на тот берег Днепра, и доставь сюда аккумуляторы для радиации. И пачурку, Володя. А то околеет. Все ясно?

— Так точно!

Володя покинул блиндаж и двинулся к реке. На берегу осмотрелся. Приметил отчаливающую лодку и по-быстрому очутился в ней, вызвав неудовольствие у забрызганного водой пожилого переправщика.

— Куда суешься? Местов нет!

— В тесноте — да не в обиде. Налегай на весла, матушка-пехота, поехали! — ответил Володя, ничуть не смущаясь разницы в возрасте.

Шла к исходу осень сорок третьего года. Враг стал уже не тот, пуганым стал. Изменился и сын полка, из мальчишки-ветрогона превратился в бывалого солдата, который не раз и не два отражал с автоматом в руках натиск гитлеровцев. А то, что ростом да по летам не вышел, так это поправимо. С годами...

К утру Володя раздобыл аккумуляторы и постоянную спутницу походной жизни пачурку-буржуйку, умеющую подавать в землянку тепло — только держись! И приступил к поиску "оказии", чтобы переправиться на левый берег Днепра. Его дивизия одной из первых форсировала эту, как казалось немецкому командованию, неприступную водную преграду, и теперь арtdивизиону предстояло поддерживать огнем наступающие части.

По реке густо шло "сало". Паромщики ждали ветра в надежде, что он разгонит лед. Но ветер не поднимался. Ждать надоедало. Володя представил себе, как намерзлись на НП командир дивизиона с разведчиками — брррр! И потому, увидев, что саперы ладят на воде разборную фанерную посудину, побежал к ним. Улучив момент, втиснулся между двух солдат вместе со своим багажом — аккумуляторами и пачуркой.

Перегруженная лодка покинула мелководье и, ошкрябываясь бортом о куски льда, рывками продвигалась вперед. Солдаты-попутчики, не имея весел, гребли саперными лопатками. Вражеские пулеметчики отчего-то молчали. Скорей всего, не примечали утлое суденышко. Тишина успокаивала, думалось: проскочим без помех. Но не тут-то было! Беда навалилась оттуда, откуда ее не ждали. Недалеко от противоположного берега кто-то из "пехотуры" переусердствовал, и острой, как бритва, лопаткой пропорол обшивку их, можно сказать, бумажного кораблика. Вода забурлила на дне и, обжигая ноги, хлынула за голенища сапог.

— Всем сидеть! Не вскакивать! Перевернемся! — крикнул командир группы.

Мощными гребками погналы суденышко к отмели, чувствуя, как оно все больше и больше оседает, превращается в подобие подводной лодки...

В заиндевелой шинели Володя стоял перед командиром дивизиона и докладывал о выполнении задания. А через несколько часов, ближе к вечеру, в высушенном у жаркой печки обмундировании шел следом за капитаном Шабаловым в расположенную неподалеку деревню Золотая Балка. Эту деревню в ходе утренних боев красноармейцы заняли не полностью, в некоторых хатах скрывались гитлеровцы: без тщательной рекогносцировки нельзя было начинать артналет.

На окраине, скользя от одного дома к другому, Володя услышал пулеметную стрельбу. "МГ", — определил в уме, и тут же в заспиньи раздался короткий вскрик. Он обернулся и увидел упавшего навзничь комдива. По-пластунски подполз к нему. Расстегнул шинель, видит: по гимнастерке расплзается кровавое пятно.

Перевязку Володя провел быстро. Потом затащил капитана в дом. Что дальше? Постоял у окна с взведенным автоматом, но фашисты не показывались. Очевидно, пулеметная очередь была случайной, не прицельной. Следовательно, их не примечали, и они находятся в относительной безопасности. Однако как быть? Капитан истекает кровью. Тащить его на себе? Назад на НП? Тащить... Но далеко ли утащишь его на мальчишеских плечах? Силенка, что ни говори, не та... "Но когда нет силы в руках-кулаках, — вспомнил вдруг присловье капитана Захарова, — налегай на ноги. Сила в ногах — это тоже большое дело".

Никогда Володя не бежал столь быстро, как в этот раз. Не помня себя, запыхавшийся и мокрый от пота, он ворвался в блиндаж.

— Капитан! Там капитан! Быстрее! Он ранен! За мной! — выпалил скороговоркой мальчишка и повлек за собой разведчиков.

Когда разведчики вернулись с раненым комдивом, их уже дожидался вызванный по радиации капитаном Захаровым санитарный самолет, который и доставил Шабалова в медсанбат. А несколько дней спустя они читали во фронтовой газете указ о награждении Владимира Тарновского орденом Славы III степени. За спасение командира дивизиона и форсирование Днепра.

Указ как указ, один из тысяч, ничем не останавливающий внимания, если не знать, что новоиспеченный орденосица еще пацан пацаном, ему за партой в классе пятом сидеть, а не на рекогносцировке ходить.

Если бы Книга рекордов Гиннеса заглядывала по тем временам за "железный занавес", то непременно зарегистрировала бы Володю Тарновского как самого молодого в Советском Союзе кавалера ордена Славы.

7.

Жаркое солнце слепило глаза. Душный полдень навевал думы о близком отдыхе. Истомленные солдаты возвращались с НП на

батарею. Впереди, тяжело ступая, шел старшина Ханьков, за ним, положив руки на автомат, ефрейтор Тарновский.

Ефрейтор... Володю недавно повысили в звании. Красная ленточка на погоне еще не успела выгореть. И каждый раз, когда он натягивал гимнастерку, будто подмигивала ему. И не беда, что над ним иногда подтрунивали кореша из комендантского взвода, называя "еврейтором". И не беда, что иногда посмеивались: мол, ефрейтор — это недоделанный сержант или переделанный солдат. Званию, что там скрывать, он был рад.

Внезапно устоявшую тишину разорвали короткие автоматные очереди. Мгновенно Володя оказался на земле, подполз к старшине Ханькову. Они осмотрелись. Где-то впереди, в зарослях кукурузы, притаился враг. Но где?

— Подняться не позволит, гад! Это как пить дать! — сказал Ханьков.

— А что, если обойти его? — предложил Володя. — Я ужом проползу, не заметит. А ты отвлекай. Дай ему огонька прикурить.

— Действуй, парень.

Автомат в руках старшины, срезая стебли кукурузы, ударил на звуки выстрелов. Володя ловко втянулся в заросли и, забирая вправо, осторожно пополз. Волосы выбились из-под пилотки, пот жег глаза. Когда перестрелка умолкала, он, затаившись, лежал ничком: догадывался, что в эти недолгие мгновения передышки и фашист прислушивается к тишине. Стоит шелохнуться — пиши пропало. Но повезло, себя не выдал и почти вплотную подобрался к гитлеровцу. Вот он, весь из себя еще живой-живехонький. Короткие, широкие в голенищах сапоги. Мышиного цвета форма. На погонах окантовка. "Унтер-офицер", — мелькнуло в мозгу. Немец лежал на боку, перезаряжал "шмайссер".

И тут Володя, готовый нажать на спусковой крючок, неожиданно для себя самого повелительно выкрикнул:

— Хенде хох! Гитлер капут!

Немец инстинктивно обернулся. Уставился на зрачок автоматного дула, непонимающе, но зло. Перед ним стоял мальчишка, росточком ему по грудь, и это туго доходило до сознания.

— Киндер, — бормотал унтер-офицер, ошарашенно поводя головой. Он потянулся к поясу за гранатой. Но тут набежал старшина Ханьков и увесистым кулаком поясил фашисту, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Руки вверх! — сказал старшина, употребив для быстрейшего усвоения его требования несколько непечатных выражений.

Немец не перечил. Поднял руки. А Володя, закинув трофейный "шмайссер" за спину, толкнул его в спину своим ППШ.

— Пошел!

Они вышли на тропинку, по которой до перестрелки пробирались на батарею, и медленно двинулись вперед.

Володя вел пленного, а позади, посмеиваясь, вышагивал старшина Ханьков. Навстречу все чаще попадались русские солдаты. Видя такую забавную картину, и они кособочили рты в ухмылку. Володя не видел себя со стороны. Наверное, поэтому оставался серьезным. "И действительно — что тут такого смешного? — думал он. — Ничего тут для себя смешного не вижу. Да и немцу уже не до смеха, отвоевался, холера ему в бою!"

Командование арtdивизиона тоже вполне серьезно расценило поведение Володи Тарновского в бою. Он был представлен к медали "За отвагу".

8.

Эшелон постукивал колесами на стыках рельсов. Победная весна открыла "зеленую" улыбку на восток. Володя ехал в Москву, в Суворовское училище, с рекомендацией командира полка.

Выглядел он на все сто, как форменный гвардеец.

До зеркального блеска надраил сапоги, приладил на погоны новые, более яркие ефрейторские ленточки, подшил свежий подворотничок.

Володя смотрелся в карманное зеркальце, оценивая свой внешний вид, и, надо полагать, оставался собой доволен. В особенности, когда опускал зеркальце на уровень груди и с некоторой вполне понятной гордостью рассматривал свои награды. Над левым карманом гимнастерки — медали, над правым — ордена. Последний из них — Красной Звезды — получен в боях за Берлин.

...С чердака высокого дома, на дальних подступах к Рейхстагу, бил пулемет. Батарейцы залегли за лафетами, боясь поднять голову. Сзади подходили новые подразделения. На улице образовался затор.

Добровольцы, а с ними Володя, вызвались подавить огневую точку. Короткими перебежками бойцы устремились к парадному подъезду. Из-за косяка входных дверей глухо загворил "шмайссер". Но брошенная Ханьковым граната заставила его заткнуться. Сгустившаяся темнота не позволяла ориентиро-

ваться в незнакомом здании. Солдаты пробились почти вслепую. Володя, посверкивая фонариком, вырвался вперед, повел за собой разведчиков. Он поднялся по лестницам. Где-то в стороне ухнул взрыв. И пулемет замолк.

Володя наобум свернул вправо. Попал в просторную комнату. Узкий луч фонаря высветил проем окна. Битое стекло на полу. На стенах — продырявленные пулями картины: пейзажики с пастухами и пастушками. Тихо. Никого вроде нет. Но что это? В углу, под кучей матрасов и пуховых перин, почудилось шевеленье.

— Хенде хох! — на всякий случай крикнул Володя. — Нихт шиссен!

На большее его познаний в немецком языке не хватило, и он саданул из ППШ поперек кучи-малы. Штукатурка посыпалась с потолка. Очередь подействовала. Речь автомата в переводе не нуждается. Из темной груды выползли двое. Гитлеровцы тяжело дышали, глаза их слезились. От них пахло снапсом и прогорклым потом.

— Стой! Стрелять буду!

И тут он услышал, как один детина сказал что-то вполголоса другому, и различил знакомое с сорок первого года слово "киндер". Он не увидел, он уловил прыжок.

Автомат плеснул огнем. Фашист рухнул на пол. Но второй очереди не последовало. Кончились патроны.

Цепенеющими пальцами Володя расстегивал кобуру с пистолетом "ТТ".

Однако немец опередил его.

Мальчик был сбит с ног.

Дюжий гитлеровец подмял его под себя, вцепился в горло.

И тут Володя вспомнил: в кармане галифе лежит дамский "вальтер", некогда подаренный ему капитаном Захаровым.

Немец не понял, что произошло, когда ощутил вдруг, что жизнь уходит из него. Вероятно, последнее, что довелось ему услышать, это — один, второй, третий — выстрелы "вальтера".

Володя выполз из-под обвисшего и враз потяжелевшего тела. Приблизился к окну. Перед ним на незначительном для артиллерийского разведчика расстоянии мерцал Рейхстаг.

Вот они и встретились — Володя Тарновский, мальчишка из мало кому известного Славянска, и Рейхстаг, символ тысячелетнего рейха. Но гитлеровское тысячелетие уместилось всего в двенадцать лет — с 1933-го по 1945 год — в те самые двенадцать мальчишеских лет, когда он, Володя Тарновский стал солдатом. Вот об этом он и напишет на Рейхстаге: "Я стал солдатом в двенадцать лет!"

Так он напишет... И подпись поставит... Свою... Солдатскую...

Пусть знают! И пусть помнят — второй такой надписи нет на Рейхстаге!

9.

Офицером Владимиру Тарновскому так и не довелось стать. В Суворовское училище, несмотря на рекомендации командования и боевые награды, его не приняли. Сослались на смехотворную причину: отсутствие табеля об окончании начальной школы — четырех классов. Как тут докажешь неуступчивым кадровикам из приемной комиссии, что на войну уходил без учебников и тетрадок, без дневника и табеля.

Пришлось возвращаться в Славянск, на пепелище, восстанавливать документы.

В Славянске он получил аттестат зрелости. И уехал в Одессу, в город, о котором мечтал с детства. Здесь поступил в институт инженеров водного транспорта, который успешно окончил. И по распределению попал в Ригу, на судоремонтный завод.

Там я с ним и познакомился.

Было это в далеком 1970 году, когда я работал в газете "Латвийский моряк".

Тогда же я написал о нем небольшой очерк — "Было солдату двенадцать", напечатанный в пятом номере ленинградского журнала "Искорка" за 1974 год. Потом ввел его под измененной фамилией Тарновский в мой роман "Приемные дети войны", который в 2012 году был удостоен золотой медали на III Международном конкурсе литературы для подростков имени Сергея Михалкова и был также отмечен фондом "Русский мир".

В 2013 году Владимира Тарновского не стало, он скончался в Риге, где и прожил последние годы.

Со времен Победы во второй мировой войне прошло очень много лет. Но прошлое не стареет, как ни отдаляется от нас во времени. В особенности — прошлое, связанное с Той Войной. И поэтому сегодня я снова вспоминаю историю Володи Тарновского, двенадцатилетнего мальчишки из Славянска, приемного сына войны.

Я не хочу, чтобы мальчишки становились солдатами.

Они рождены для детства.

Помните об этом, пожалуйста...